

Р. ЯРОВ

Ветер с вершин

Научно-фантастический рассказ

Кюта по размерам походила на купе железнодорожного вагона: только на уровне верхних полок здесь был потолок, а вместо одного центрального окна — два иллюминатора почти над самой водой.

Ромадину надоело сидеть в тесной камерке, где пахло от близости двигателя разогретым маслом и металлом. Он поднялся, вышел на палубу. Темный-темный лес, вода плещется у самого его края, захлестывая корни отдельных деревьев. С тех пор как выехали из города, ни дымка, ни избушки, ни причала. Река, которая не может не вызвать мысли о мощи стихийных сил, и дорога по ней, как дорога по вселенной, — ни конца, ни начала, ни жилищ, ни машин, ни людей...

Шум мотора прекратился внезапно, и катер сразу закачало на волнах. Из рубки вылез моторист в замасленной клетчатой рубашке.

— Тропинку видишь? Прямо по ней — часа через полтора будешь на месте.

Ромадин пригляделся. Нет, просвета в этой приближающейся темно-зеленой стене не видно.

— Как вы различаете тропинку? — спросил он удивленно.

Моторист не ответил. Он глядел на приближающийся берег да покрикивал мальчишке-помощнику, управляющемуся с рулем.

— Ты к Зотову? — спросил он. — Ну да, больше не к кому. Вот передай ему, чтоб мне лишний раз не мотаться.

Он дал Ромадину корзину. Сквозь решетчатые стенки Ромадин увидел оболочку воздушного шарика и письмо. Странная какая-то посылка.

— Ладно, — сказал он, — передам.

Ромадин вынес из каюты свои ящики, рюкзаки. Катер остановился, парнишка подтянул лодку, привязанную сзади, и перебрался в нее. Ромадин начал подавать снаряжение. Мальчишка повисал над водой, держась рукой за веревку, ящики тянули его вниз.

— Неужели причал нельзя сделать? — Ромадин повернулся к мотористу.

— Был здесь когда-то причал, — сказал моторист. — Развалился со временем. Последний столб весной смыло. Да и кому он нужен-то! Раз в две недели привозим бензин, продукты да почту.

Ромадин пожал плечами и осторожно спустился в лодку. Парнишка налег на весла; через несколько минут лодка ткнулась носом в берег. Ромадин перенес на сухое место два металлических ящика, футляр с киноаппаратом.

Тропинка шла через густой ельник. Паутина лишайников, вывороченные с корнем деревья, полутьма. Он двигался медленно, часто отдыхал и до станции добрался только через три часа, близко к вечеру.

Бревенчатый двухэтажный дом стоял на лесной поляне. Его окружал высокий забор из заостренных досок. На крыше возвышалась антенна радиопередатчика. К толстому столбу калитки была прибита дощечка с надписью, выведенной чернильным карандашом: «Академия наук. Институт энтомологии. Сектор борьбы с болезнями, с природной очаговостью. Ельнинское отделение». На другом столбе висел темно-синий почтовый ящик — такой же, как в подъезде любого городского дома. По дорожке, посыпанной песочком, Ромадин направился к крыльцу, но не успел еще дойти, как дверь распахнулась, вышел человек лет тридцати пяти, в высоких сапогах, в клетчатом пиджаке. Он выглядел очень аккуратно — гладко выбритый, подстриженный — и улыбался приветливо. Должно быть, не часто сюда забирались гости. Он не дождался, пока Ромадин приблизится, сбегал с крыльца, помог снять с плеч поклажу. Ромадин сел прямо на ступеньки.

— Павел Михайлович Зотов, — человек протянул руку.

— Директор станции? — обрадовался Ромадин.

— Можете считать директором, а можете — дворником. Все равно я здесь один, — сказал Зотов. — А откуда вы меня знаете? — настоярился он вдруг.

Ромадин вынул из кармана две соединенные скрепкой бумаги, подал. На первой—фирменном бланке—было написано: «Директору Института использования в науке и технике механизмов и систем живой природы т. Милашевскому. Согласно решению Академии наук направляем вам для сведения выдержку из отчета научного сотрудника, директора Ельнинской станции тов. Зотова».

В углу листа размашисто было написано: «Тов. Тикову. Ваше мнение? М и л а ш е в с к и й».

— Тиков, начальник конструкторского отдела, где я работаю, — уточнил Ромадин.

Зотов перевернул лист.

— «...Вершина крыла перепончатая, тонкая, с нормальным жилкованием. Насекомые живут на вершинах высоких деревьев; поэтому я назвал их вершинниками. Длина отдельного экземпляра достигает 25 мм, окраска тела — серая. Частота взмахов крыльев очень велика, вероятно, выше даже, чем у комара (305 в секунду). Точную цифру определить без необходимых приборов трудно. Вес мышц, приводящих в движение крылья, составляет всего лишь 0,5% от общего веса тела (у пчелы — 15%). Между тем вершинники поднимаются очень высоко. Мне неоднократно приходилось наблюдать и невооруженным глазом и в бинокль их почти вертикальный взлет по прямой».

Зотов опустил листы и пристально поглядел на Ромадина.

— Ну да, — сказал он медленно, — это я писал. А как оно поало к вам?

— Постановление № 962, — ответил Ромадин. — Всякое сообщение о каком-либо новом факте, касающемся поведения, устройства внутренних или наружных органов животных любых видов, должно быть доведено до сведения Института использования в науке и технике механизмов и систем живой природы. Видите, директор спрашивает мнения Тикова, а он высказал его тем, что прислал меня сюда. Лаборатория машущего полета — Тиков ее руководитель — получила задание на подготовку исходных данных для проектирования аппарата с машущими крыльями. Нужна конструкция, которая смогла бы опускаться на любую зыбкую поверхность, как пчела на колеблющуюся чашечку цветка, и быстро взлетать. Мы сейчас хватаемся за все, что может нам дать какой-то исходный толчок. Я здесь, несколько человек разъехались по другим местам. А ведь на каждом из нас еще по несколько тем висит. Однако что ж это за вершинник такой? Я ради него только сюда и прибыл.

— Класс *Insecta* — насекомые, подкласс *Pterygota* — крылатые; подотряд *Elitroptera* — покровнокрылые, — сказал Зотов. — Однако ж что за разговор на крыльце. Пойдемте в дом, расположитесь, отдохнете, помоесть. Вон бочка на столбах — видите. Солнце греет в ней воду. Здесь летом жарко. А потом перейдем к делу.

Они поднялись на крыльцо, переступили порог и оказались в коридоре, шедшем через весь дом. Из окна на противоположном конце его падал свет. Справа и слева было по две двери, сра-

зу у входа — лестница, ведущая на второй этаж. Пол был желтый, из свежих досок, солнечные пятна не очень даже на нем выделялись. Зотов распахнул первую дверь справа, пропуская Ромадина, а сам пошел за оставленными вещами.

Комната была большая, с двумя окнами и высокой печкой в углу. Между окнами стоял стол, покрытый клеенкой. Ромадин распахнул окно, выглянул. Запахло свежими щепками — груды их лежали под окном, — хвойным, сырым лесом.

— Да, вот еще корзина, — сказал Ромадин. — Моторист просил передать.

Зотов схватил конверт, разорвал. Он читал, шевеля губами, топая тихонько ногой, и видно было, что ничего, кроме письма, ничего в этот момент для него не существует.

— Любопытно. — Он положил письмо на столик. — Ладно схожу за приборами.

Ромадин не успел задать вопрос: «Что-нибудь важное?» А пока Зотова не было, решил, что спрашивать невежливо.

Дверь распахнулась от удара ногой; пятясь, вошел Зотов, неся в руках два ящика, поставил на пол.

— Тяжело, — он перевел дух. — Как вы их дотащили? Здесь очень нужные приборы?

— Комплект импульсных ламп-вспышек для скоростной киносъемки и батарея серебряно-цинковых аккумуляторов.

— Я предлагаю перенести все это хозяйство в верхнюю комнату. Там вы сможете заниматься киносъемкой; здесь будете жить. Советую помыться, потом пообедаем, потом вам имеет смысл немного отдохнуть.

— А когда работать начнем?

— Понимаете ли, — задумчиво сказал Зотов, — практически я не могу вам рассказать ничего сверх написанного. Но все равно к конкретным действиям раньше завтрашнего утра не приступим.

— Хорошо, — согласился Ромадин.

Они отнесли наверх оборудование, банки с химикалиями.

— Большой дом, — удивлялся Ромадин. — Кто в такой глуши стал его строить для, будем говорить прямо, не стоящего на главном направлении участка работы?

— Его строили для метеостанции, — сказал Зотов. — Что же касается главного или второстепенного участка работ, то сказать наперед, какой главный, а какой нет, нельзя. То, о чем сегодня знает лишь несколько человек — узких специалистов, — завтра становится основой целой отрасли промышленности. Да вот вы же прибыли.

— А почему метеостанция переехала? — спросил Ромадин, желая переменить тему разговора.

— Возникли непредвиденные обстоятельства, — ответил Зотов. — Во-первых, оказалось трудно передавать сводки. То был год солнечных вспышек, радиосвязь здесь без конца прерывалась. К тому же все три сотрудника, что были здесь, одновременно заболели. Их увезли, а новых послать остерегались. Я как раз сюда и попал как работник отдела по борьбе с болезнями, с природной очаговостью. Досидел тут до глубокой осени: отправляюсь в город и узнаю, что метеостанцию на этом месте решено ликвидировать. Ах так! Ну, оборудование, говорю,

вы вывезете, а с домом-то что станете делать? Новенький, хороший, комнат много, не пустовать же ему. Отдайте энтомологам под наблюдательный пункт. Хорошо, говорят, все равно кому-то надо следить, чтоб дом не разрушался. Возитесь со своими жуками, пока не отберем.

— Не отобрали?

— Одиннадцать лет прошло — молчат. А чем им плохо? Я здесь дом сохраняю. Как раз перед вашим приездом пол перестлал. Кучу стружек видели? Разрушается ведь все без присмотра. Я как могу в порядок привожу.

— Одиннадцать лет, — протянул Ромадин. — Чем же заболели метеорологи?

— Давайте спать, — Зотов поднялся. — Вы устали, вставать завтра рано, а времени у вас...

— В обрез. Два с половиной дня. Но успеть заразиться можно вполне. Если здесь на самом деле какой-то очаг. Прививок я не делал — не до того в суматохе было.

— Ну, беспокоиться вам, я думаю, нечего. Все эти люди давно здоровы. Хуже было другое — начали заболеть лиственные деревья. Их здесь немного, но есть. Листья становились коричневыми — сперва между жилками, потом по всей плоскости, — трескались и рассыпались. Дерево гило. Тогда-то я и познакомился впервые с вершинниками. Они усыпали заболевшие деревья. Чтоб узнать, вредители они или нет, я решил провести довольно обычное исследование. В дерево впрыскивается какой-нибудь радиоактивный изотоп — у меня был фосфор, — а потом надо собрать насекомых и радиофотографическим методом выявить тех, кто питался листьями. Представьте себе мое удивление, — сказал, твердо выговаривая каждое слово, Зотов, — радиogramмы не показали, что хотя бы одно из насекомых питается листьями. Я своими глазами видел дерево, по которому ползали вершинники, — не заметить таких больших насекомых невозможно, — видел, как листья превращаются в труху. Я сидел тут, помню, почти до холодов — пока все вершинники не исчезли, растягивал время экспозиции от нескольких дней до нескольких недель, применял флюоресцирующие экраны — и ничего. Ни на одной пленке не получилось никакого изображения. Это было феноменально. Я написал об этом в энтомологический журнал. Мне ответили, что не были, вероятно, соблюдены условия, необходимые для работы по этому методу. Я решил бороться и отправил отчет об этом факте и описание вершинников. Мне ответил тогдашний мой начальник, что он знает меня как хорошего экспериментатора, уверен, что произошло недоразумение, и он не будет оформлять мой отчет как полагается, чтобы он никому не попался на глаза. Я был моложе на одиннадцать лет, горяч, экспансивен и решил доказать, что ни в чем не ошибся.

— Доказали?

— Нет. Насекомые исчезли вскоре после этого. Холода наступили.

— В следующем году?

— Они появились вновь только одиннадцать лет спустя, этой весной. А тогда я успел лишь пройтись по лесу со счетчиком Гейгера. Дерево, в корни которого и на листья я за три дня

до этого ввел радиоактивный фосфор, не давало никакого излучения. Обычный «фоновый шум», то есть поток частиц приходящих из космического пространства. Он, правда, несколько превышал норму — то был год солнечных пятен. Но об этом я уже никому не сообщал: решил — хватит щелчков по носу. Давайте спать, поздно уже, и вы устали.

— Я полагаю, работать будем так, — предложил утром за чаем Зотов. — Сейчас отправимся в лес, там вы посмотрите на вершинников в природных условиях. Мы с вами поймем несколько штук. Потом займемся препарированием, а завтра вы сможете начать готовить свою аппаратуру.

Ромадин нес за плечами легкий рюкзачок, в котором были лупа, нож, совок, морилка — банка с отравой и фильтровальной бумагой, свернутая простыня. В одной руке он держал — сам этому удивляясь — сачок; в другой маленькую лопату. Зотов

Рисунки Б. ДОЛЯ

подошел к большому, высокому дереву, взял у Ромадина простыню, разостлал на траве, сильно ударил по стволу палкой. Несколько насекомых, напоминавших по размерам и очертаниям майских жуков, упали на простыню. Они опускались очень медленно, с раскинутыми крыльями — похоже было, планировали. Ромадин начал колотить по дереву лопатой. Все больше и больше вершинников опускалось на простыню. Наконец, палка Зотова обломилась. Часть насекомых они ссыпали в морилку, часть — в большую банку и пошли обратно.

Зотов открыл комнату на втором этаже, посторонился, пропуская Ромадина, вошел следом. Когда Ромадин заглядывал в нее, ему показалось, что она вся пуста — только стеллажи вдоль стен и шкаф с препаратами и приборами. Теперь он сделал по комнате несколько шагов — чуть-чуть вбок от двери — и увидел аквариум — громадный, много больше обычного, со стенкой почти в рост человека. Стекла были чисты и прозрачны — поэтому в прошлый раз Ромадин думал, что комната пуста.

— Инсектарий? — спросил он удивленно. — Откуда?

— Да ведь лаборатория же, — сказал Зотов. — Вы, очевидно, никак не хотите примириться с тем, что я не лесник, а энтомолог, и здесь станция.

— А это что на полке?

— Счетчик космической радиации, — сказал сухо Зотов.

— Зачем он вам?

— От метеорологов остался. А вообще давайте работать.

На дне инсектария лежали куски трухлявых деревьев, листья, мох, папоротник. Зотов подошел к инсектарию с развязанным мешком, откинул марлевую крышку и опрокинул мешок.

Из него, расправив крылья, медленно вылетали насекомые. Они падали, но точно так же, как падает лепесток, гонимый ветром: то поднимется, то вновь опустится. Постепенно вершинники оказались на дне и замерли, спрятав крылья под хитиновый панцирь.

— С какой частотой должны работать крылья, чтоб обеспечить такое спокойное, можно даже сказать, вялое опускание?

— Думаю, что с очень большой. — Зотов подошел к шкафу, открыл его и стал класть на стол приборы и инструменты. — Во всяком случае, отдельных взмахов я не видел. Ну, да ладно, это вы установите, когда займетесь съемкой. Идите сюда.

Ромадин подошел к столу.

Быстрыми точными движениями Зотов рассек грудь насекомого. Игла в его руках ткнулась в маленькую, чуть заметную ниточку.

— Вот все мышцы, связанные с крыльями. Хотите, я вскрою пчелу и покажу, чем располагает она? Канат против этой ниточки.

— Не надо, я знаю, — пробормотал Ромадин.

Уже стемнело, когда работа была окончена. В баночках, выстроенных вдоль стен, были заспиртованы щупальца, голова, дыхательные органы вершинников.

— Эту коллекцию вы возьмете с собой, — сказал Зотов. — С утра вы налаживаете аппаратуру, я еще раз отправлюсь в лес для сбора насекомых. Сколько времени вам потребуется на

обработку пленки, проявление, закрепление? Мне очень хотелось бы посмотреть, что получится.

— Да завтра же к вечеру, — сказал, подумав, Ромадин. — Я, признаться, рассчитывал здесь не печатать, а увезти с собой, но хочу вас уважить. Тем более что на всякий случай я все оборудование и химикаты захватил.

— Буду очень признателен.

— Не скучаете здесь? — спросил неожиданно Ромадин. — Мне кажется, что в глухом лесу, в одиночестве с ума можно сойти от скуки...

— Ну, раз в две недели катер приходит, — возразил Зотов. — Почту привозит, бензин, кое-что из продуктов, мои письма забирает. А потом, я ведь только летом здесь. Зимой в городе живу.

— Вы давно здесь?

— С того самого лета, о котором я уже говорил. Последнего, когда здесь была метеорологическая станция. А заниматься этим делом начал я еще мальчиком. Потом окончил университет. В первый же год после окончания попал сюда, да так и осел.

— И не выезжали?

— Нет, я не пропустил ни одного лета. А зимой, как говорил, живу в городе. Там у меня семья. Обообщаю, систематизирую накопленный за лето материал. Район глухой, до меня систематического исследования не проводилось. Опять же горы близко, влияние другой климатической зоны. И цель, ради которой я прибыл, остается в силе. Где кроется очаг болезни и не проявится ли она вновь? Этот вопрос не выяснен. Я работник института, только провожу исследования не в городе, а здесь.

— А я много ездил, — сказал Ромадин. — Где только не побывал! Хотя два года всего после института...

— Вам повезло больше.

Ромадин снова проснулся рано, но у него уже не было вчерашнего азартного нетерпения, чувства того, что в этот день он все, что нужно, откроет и вызовет. Сегодня он знал, что именно здесь открытий никаких не будет, а надо успеть сделать лишь главное и, если можно, немного больше. Тогда совесть его будет чиста. «Мы собрались здесь, — вспомнил Ромадин слова директора на каком-то семинаре, — чтобы создавать конструкции, обычными инженерными способами не создаваемые». Тогда Ромадин, только что пришедший в институт из обычного конструкторского бюро, где, кроме инженерных, никаких других знаний не требовалось, увидел в выступлении директора лишь красивое словосочетание. Здесь, в этом глухом лесу, он впервые почувствовал трудность своего нового дела. Вершинник так похож на тысячи других жуков — и как увидеть в этих переплетениях жил механизм потрясающей — если удастся раскрыть — перспективности?

После завтрака Ромадин отправился в зал, начал распутывать провода, испытывать камеру, присоединять клеммы к аккумуляторам, выбирать точки съемок. Зотов поднялся вместе с ним, протер стекла инсектария мокрой тряпкой, пригляделся к манипуляциям Ромадина.

— Да, — сказал он, — если б я имел подобное устройство, вам бы, пожалуй, незачем было приезжать.

Он ушел в лес за жуками. Вернулся очень скоро, выпустил жуков из мешка в инсектарий, закрыл сверху марлей, одно окно завесил одеялом, другое — двумя простынями, третье — слоем из десяти газет, для четвертого снял одеяло с кровати Ромадина. В большом зале стало темно. Зотов зашел за спину Ромадина. Слабый хруст шел от инсектария: жуки расправляли крылья. Зажглась неоновая лампочка, отмечая время, и синхронно заработал киноаппарат. Лампы вспыхивали и гасли, комната погружалась в темноту, и вновь свет заливал ее — резкий, мертвенный. Ромадин, переходя по комнате, видел Зотова, стоящего неподвижно в углу; ему казалось, что лицо Зотова бледно, но это могло быть от освещения, а мысль была мимолетной, такой же короткой, как вспышка. Три минуты всего работал аппарат. Когда стрекотание мотора прекратилось, в зале наступила полная тишина.

— Вы точно хотите, чтоб я проявил и отпечатал пленку? — спросил Ромадин.

— Да, — сказал Зотов.

— Мне было бы проще отдать ее в институтскую фотокинолабораторию, там специалисты, они сделали бы все, что нужно, и я был бы на сто процентов уверен в том, что ничего не будет испорчено. Там есть и копировальный аппарат — я с удовольствием вышлю вам копию фильма.

— У меня нет проектора...

— Ну хорошо, — согласился устало Ромадин. — Только это продлится долго.

— Я могу помочь вам — растворы, например, составлять...

— Не надо, вряд ли вы имели дело с такой аппаратурой, она совершенно новая. А когда вы мне приготовите препараты?

— Завтра с утра все будет. Упакую в лучшем виде.

— Вечером вы увидите фильм.

Работа кончилась поздней ночью. Ромадин зарядил проекционный аппарат, поискал взглядом белую поверхность. Печка — широкая, высокая — очень подходила для этой цели. Вновь застрекотал мотор — пошли кадры. Ромадин глядел — и изумление его возрастало. Он просмотрел сначала весь фильм, потом по кадрам, потом замер в растерянности, не зная, что еще можно делать, и вдруг выскочил за дверь, постучал в комнату Зотова. Мало того, что этот человек горит желанием посмотреть фильм, он присутствовал при съемке, он живет здесь много лет и как-нибудь сможет объяснить увиденное. Из-за двери никто не ответил. Ромадин постучал еще раз. Молчание. Он распахнул дверь. Комната была пуста. Он сбежал вниз по лестнице, заглянул к себе. Никого. Он побежал по коридору, распахивая двери, чиркая спичкой. Здесь хранятся продукты, здесь — какие-то приборы, старые книги, на третьей — висячий замок снаружи. Куда же подевался Зотов? Ромадин выбежал во двор под лунный водопад. Он увидел черный шумящий лес, понял, что за ограду не выбежит, и повернулся к дому, чтоб весь он, сверху донизу, встал перед глазами. И тогда он увидел Зотова. Тот шел по гребню крыши — одна нога на один скат, другая — на другой. Руки у него были расставлены как крылья. Он дошел до

края крыши, задержался на мгновение, сделал следующий шаг и стремглав полетел вниз. Когда Ромадин подбежал к нему, Зотов лежал на груде стружек и опилок. Это, очевидно, спасло его от сильных повреждений, но глаза были закрыты. Ромадин растерялся. У него не было никакого опыта по оказыванию первой помощи. Он приложил ухо к груди Зотова — сердце билось нормально; прислушался к дыханию — ровное; ощупал ноги, руки и ребра Зотова — кажется, ничего не сломано. Но Зотов не вскрикивал, хотя и глаз не раскрывал. Что-то надо было делать. Ромадин вбежал в дом, открыл шкаф с препаратами. Колба со спиртом была на месте. Он взял ее, у себя достал ложку, вернулся к Зотову, приподнял ему голову и влил в рот целую ложку спирта. Варварский способ оказался эффективным. Зотов открыл глаза.

— Помогите мне добраться до моей комнаты, — сказал он слабо.

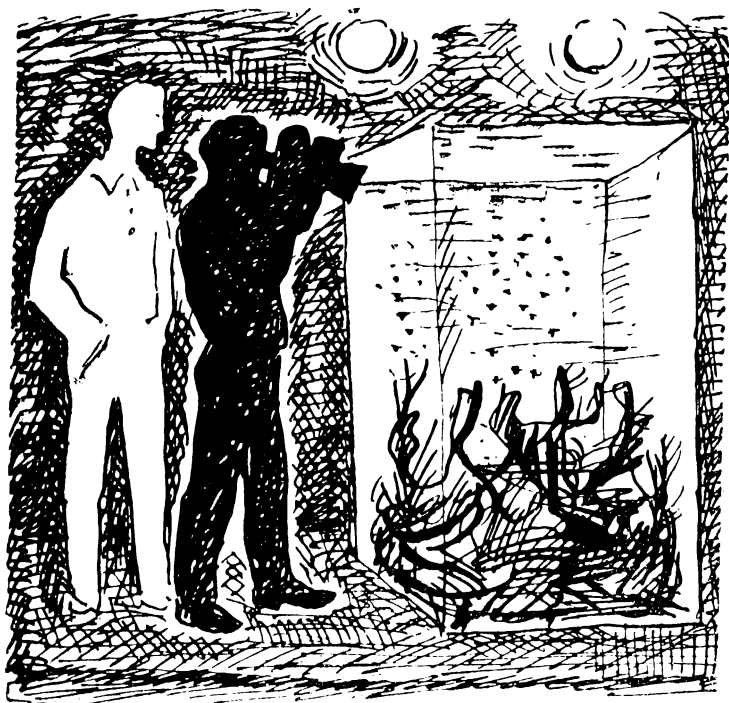
Ромадин отвел его наверх, уложил в кровать.

— Фильм прокрутили до конца? — спросил Зотов.

— Да.

— Какова, по вашему мнению, частота взмахов?

— Никакой! — закричал Ромадин. — Они не машут крыльями вообще. Расправляют их и оставляют неподвижными.

— Я так и думал, — пробормотал Зотов. — И убедился наконец.

— Но почему?

— Завтра поговорим, — и Зотов закрыл глаза.

Ромадин вышел в зал. Он ничего не мог понять.

Письмо лежало на тумбочке; вероятно, в нем не было ничего личного или секретного, раз Зотов так небрежно бросил его. Ромадин схватил листок.

«...Дорогой Павел Михайлович, вы заразили меня — не знаю только, как поточней выразить чем. Не любовью к жукам — к ним я безразличен, а энтузиазмом. Перед долготерпением же вашим я преклоняюсь. Как и обещал, встретился с тем человеком, о котором говорил, — старожилом метеостанции в горах. Жука признал сразу. Да, видел. В горах на вершине, когда еще был молод и мог туда лазить. Это было... Он покопался в памяти, вспомнил какие-то личные приметы и сказал: «22 года назад...»

Я выполнил и то, о чем вы просили еще: изготовил из пленки небольшой шар, наполнил его гелем, положил в корзину кусочек радиоактивного фосфора, который вы мне дали, и попросил одного из наших летчиков выбросить его над хребтом. Он так и сделал. Потом шар вернулся. Фосфор, что я положил в корзину, оказался нейтральным, и рядом с ним было несколько жуков. Все это посылаю...»

Ромадин отложил письмо, встал в задумчивости. Вершинники живут здесь, но также и в горах, на ледяных склонах. Две совершенно непохожие области обитания. Чем там можно питаться? Почему они появляются раз в одиннадцать лет? Бедный Зотов... Почему они летают, не взмахивая крыльями? Ждать, когда Зотов все объяснит? Нет, сейчас, немедленно, не дожидаясь, пока еще хоть один вопрос придет в голову, начать самому поиски ответа.

Он подошел к стеклянному ящику, сорвал марлю. Насекомые медленно разлетались по комнате. Ромадин отошел в угол, сел на табуретку. Траектории полетов насекомых кончались где-то над ним. Непонятное чувство овладевало Ромадиным — он не мог объяснить, хорошее или плохое, — но будто чего-то ему не хватало, что-то исчезло в привычном мироощущении. Что именно? Это не было похоже на удушье и на приступ резкой боли — он не мог сравнить подобное состояние ни с тем, что испытывал раньше, ни с тем, что просто мог себе вообразить. Но сидеть так было невыносимо.

Ромадин встал, прошелся по комнате, снял машинально с полки счетчик космических частиц, постоял, снова сел на стул. Он не обратил внимания, на каком делении стоит стрелка — возле полки было темно, — но теперь, усевшись, глянул. Стрелка стояла на нуле. Ромадин точно помнил, что возле полки она показывала какую-то цифру.

Он снова вышел на середину комнаты. Стрелка качнулась; вернулся — снова стояла на нуле. Ромадин поглядел вверх. Насекомые висели над тем местом, где он сидел. Так это же экран, задерживающий космическую радиацию. Вот откуда непривычное состояние, когда человек абсолютно здоров, но какое-то странное беспокойство овладевает им — будто не хватает чего-

то. Нет обычных доз космической радиации, и, очевидно, обойтись без них невозможно. Этого не знает никто, потому что никто еще не попадал в такие условия, когда на пути космических частиц вдруг возникал экран. Может быть, только метеорологи. Кто их знает, как они обращались с этими насекомыми; скорей всего собирали коллекцию. Вот эти насекомые, как бы висящие под потолком; они поглощают энергию радиации, они стремятся туда, где ее больше. Я просидел под ними пять минут, а Зотов, вероятно, намного больше, удерживая себя насильно. И в конце концов, подобно тому, как утопающий сквозь толщу воды рвется вверх, Зотов бросился на крышу, чтоб не чувствовать никакого экрана над головой. Сейчас год солнечных пятен, повышенная радиация, насекомые рвутся вверх, но им мешает потолок и они скапливаются над человеком, который тоже ведь является источником радиоактивности. Редкий прибор может это установить, но чувствительность насекомых к подобной вещи должна быть поразительной. Все на месте — все, кроме одного: почему они не машут крыльями?

Ромадина никто не разбудил утром, он проснулся гораздо позже обычного, встрепенулся, взглянул на часы. Через четыре часа он должен стоять возле реки. Ромадин быстро оделся и поднялся наверх. Зотов оказался в зале. Бледный, он брал стекла с препаратами, залитыми коллодием, и клал в стеклянный специальный сосуд, перегороженный на секции. Руки его дрожали

— Здравствуйте, — сказал он. — Сегодня ваш отъезд, и я хочу приготовить вам препараты....

— Павел Михайлович, — сказал Ромадин решительно, — я знаю многое — и то, что вершинники питаются энергией радиации, и то, что они появляются раз в одиннадцать лет, в год солнечных вспышек, и, следовательно, повышенной радиоактивности, и то, что они водятся не только здесь, но и в горах...

— Только там, — сказал Зотов, — на безжизненных вершинах. Часть их снесло сюда ураганом одиннадцать лет назад, и они отложили яйца. Если бы они водились здесь постоянно, их бы нашли раньше. Глушь, безлюдье — верно, но не настолько уж, чтобы не заметить какой-нибудь местный вид, не внести в определитель.

— Это неважно, — заторопился Ромадин. — Я знаю все главное, мои три дня кончаются, а то, за чем я прибыл...

— Одиннадцать лет не хотите, — медленно произнес Зотов. — Случайный факт перевернул мою жизнь, заставил поселиться в тайге, из года в год ждать, и не находить, и не иметь возможности никому ничего сказать, потому, что говорить нечего. Единственный раз быть единственным свидетелем необычного факта, в который никто не верит. А я бы разве поверил? В научных журналах по нескольким специальностям я искал сообщения о том же самом факте. Ведь если бы, помимо меня, кто-то еще увидел то же самое, он мог бы оказаться более настойчивым или просто воспроизвести эксперимент в лабораторных условиях — и тогда сомнений бы уже не было. Но никаких публикаций на эту тему я нигде не встречал. Когда этим летом вершинники появились вновь, я мгновенно проделал тот же самый опыт с радиоактив-

ным фосфором — и все подтвердилось. Я занялся анатомированием жуков, обнаружил, что мышечный узел весит необычайно мало, и послал сообщение. То была тактика накапливания мелочей. Не оповещать сразу о большой необычности, а одно за другим посылать сообщения о маленьких, не выходящих далеко за рамки известных представлений. Тогда я еще не знал связи между свойством поглощать радиоактивные изотопы и малым весом мышечного узла.

— А теперь?

— Мышц почти нет. Но ведь насекомое летает. Что же позволяет ему это делать? Мысль об этом не давала мне покоя, и я вспомнил обстоятельства, которые привели меня сюда. Заболели метеорологи, потому что насекомые их покусали. Но ведь они вскоре уехали отсюда. А почему? Потому, что в тот год солнечной активности трудно было передавать радиосообщения. Цикл повторился. Значит, жуки появляются только в годы солнечных вспышек? Я поехал на аэродром, попросил связаться с метеорологами, живущими в горах, и расспросить. Мы сделали шар, в корзину его я положил кусок радиоактивного фосфора — и над горами шар выбросили с самолета. Дверца ловушки должна была захлопнуться при падении радиоактивности до определенного уровня. Ну вот и все. Ответ вы читали, кусок радиоактивного фосфора стал совершенно нейтральным, а в корзине были жуки...

— Но связь всего этого...

— Все еще не ясно? Им не нужно махать крыльями, они используют для полета не плотность воздуха, а плотность или изменение уровня радиоактивности. Потому они ее и поглощают. На вершинах гор уровень космической радиации наивысший, а в годы солнечных пятен еще более повышается. А если им все равно ее не хватает, они поднимаются вверх, к предельным слоям атмосферы, загораживающей землю от лучей из мирового пространства. Потому они и не машут крыльями, что там, где воздух разрежен или его нет, взмахи бесполезны. Я попытался визуально определить их частоту и пришел к выводу, что она незначительна и подъемную силу обеспечить не может...

— Так если вы все это знали, — закричал Ромадин, — то почему не сказали сразу?

— А почему я должен верить сам себе да еще других убеждать в этом? Я ученый, вы понимаете, а это ведь не просто род занятий, а особое состояние внутреннего мира. Оно заставило меня просидеть в глухомани одиннадцать лет; оно же и заставляет меня не верить собственным выводам, ибо я очень сильно хочу их получить. Мало ли какие умозаключения придут мне в голову. Приезд человека, абсолютно непредубежденного, ничего не знающего, должен был удостоверить один из основных результатов. Судите сами, должен ли я был сказать вам хоть слово о том, что вы можете увидеть. Пойдемте ко мне, поедите на дорогу.

— Я поделюсь с вами, — сказал Зотов после короткого завтрака, — одним соображением, которое пришло мне в голову только сейчас. Я потратил много лет для того, чтобы установить один только факт, а вам все, что я по этому поводу знаю, передал за три дня. Но у вас будут свои одиннадцать лет, чтобы понять механизм действия... И где этот механизм располагает-

ся — в элитрах — выростах по бокам — или еще где-то? Все, что можно было усвоить на уровне нормального человеческого восприятия, уже усвоено; нужно иное мироощущение. Вы поймете это очень скоро, потому что хотите брать у природы образцы для своих машин, но будете жалким подражателем, не знающим начал, пока не овладеете способностью менять восприятие мира так, чтобы поставленная задача вызывала в вашем мозгу совершенно невероятные, непостижимые идеи, а не вариант типового решения. Мы думаем о встрече с другими цивилизациями, имеющими принципиально отличное мышление, но иногда не надо даже подниматься в небо, достаточно нагнуться или оглянуться, чтоб увидеть свой, земной космос. И можно уже начать с него. Ваша цель по сравнению с этим проще, но давайте думать намного шире, чем нужно для решения одной проблемы. В истории человечества это всегда приводило к хорошим результатам. И пойдёмте, все собрано, а говорить уже нечего.

Молча они дошли до реки.

— И странно мне теперь, — сказал Зотов, — и что дальше делать — не знаю. Ведь я привык искать, а находить — нет...

Издали донесся стук мотора. Катер показался, замедляя ход, остановился, заплескал на волнах. Все тот же парнишка подгреб на лодке к берегу. Ромадин и Зотов перенесли в нее снаряжение. Постояли, встряхивая сжатыми ладонями. Ромадин подумал, что надо будет этого человека привлечь к работе в институте — и не забыть бы в суете заняться этим. Впрочем, дело, наверное, все равно заставит. Наконец он вскочил в лодку. Через минуту из трубы катера вновь взметнулся синий дымок. Ромадин, опершись о планшюр, махал Зотову рукой, пока тот не скрылся из виду. Густой темный лес тянулся по обоим берегам реки. Но Ромадину долго еще казалось, что он видит высокую фигуру лесного ученого.

